

- ⁸ *Потанов Л.П.* Умай – божество древних тюрков... С. 265.
- ⁹ *Потанин Г.Н.* Указ. раб. С. 289.
- ¹⁰ *Дьяконова В.П.* Указ. раб. и др. работы автора.
- ¹¹ Образцы... С. 166.
- ¹² *Потанин Г.Н.* Указ. раб. С. 72.
- ¹³ *Катанов Н.Ф.* Письма из Сибири и Восточного Туркестана // Приложение к LXXII тому заметок Императорской Академии наук. СПб., 1893. С. 522.
- ¹⁴ *Кон Ф.Я.* Указ. раб. С. 39.
- ¹⁵ *Яковлев Е.К.* Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. Минусинск, 1900. С. 111.
- ¹⁶ Образцы... С. 44–45.
- ¹⁷ *Катанов Н.Ф.* Указ. раб. С. 522.
- ¹⁸ *Кон Ф.Я.* Указ. раб. С. 39.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Образцы... С. 166.
- ²¹ *Потанин Г.Н.* Указ. раб. С. 293.
- ²² *Кон Ф.Я.* Исследования Ф.Я. Кона в земле урянхов // Русский антропологический журн. 1903. № 4. С. 117.
- ²³ *Яковлев Е.К.* Указ. раб. С. 113.
- ²⁴ *Тенишев Е.Р.* О центральноазиатском шаманизме // Историко-филологические исследования. Сб. ст. памяти академика Н.И. Конрада. М., 1974. С. 338.

М.В. Kenin-Lopsan. Mythological Roots of Touvinian Shamans

This publication is the excerpt from M.V. Kenin-Lopsan's book «Touvinian Shamans» which deals with the types of Touvinian shamans as defined by their origins. The author distinguishes five shaman categories as tracing their origin back to: (1) shaman-ancestors, (2) spirits of the earth and water, (3) the sky, (4) the evil spirits albys and (5) evil spirits aza. Three of the mentioned categories (2, 4, 5) have been outlined by the author on the basis of his own field materials.

© 2000 г., ЭО, № 2

М.М. Громыко

ОТНОШЕНИЕ К БОГАТСТВУ И ПРЕДПРИИМЧИВОСТИ РУССКИХ КРЕСТЬЯН XIX в. В СВЕТЕ ТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Трудно богатому войти в Царство Небесное – эти слова из Евангелия (Мф. 19, 23) знал каждый русский человек. Трудно, но возможно. От человека, оказавшегося по своей воле или в силу обстоятельств богатым, требовались особые усилия на пути благочестия. Путь Христов – путь спасения вообще узок: «Входите тесными вратами; потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф. 7, 13–14). А для богатого – путь к спасению в особенности узок: «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (Мф. 19, 24). Поэтому хорошо относились к тем богатым людям, которые явно совершали эти усилия: прежде всего, творили такие добрые дела, которые позволяло им делать их богатство, тем самым как бы и оправдывая свое владение им.

Российская действительность прошлого и начала нынешнего века знала множество

богатых людей, отличавшихся благочестием. Речь идет, разумеется, не о показном, а об истинном благочестии, в котором дела милосердия сочетались с личными молитвенными и аскетическими подвигами. Судьбы таких людей представляют интерес для нас тем, что обнаруживают возможность положительного отношения русского православного человека к богатству: как со стороны самого разбогатевшего, так и в восприятии его жизни и деятельности всей средой.

Братья Григорий и Феодор Каменские были детьми крепостного крестьянина Верхне-Муллинской вол. Пермского у. Козьмы, занимавшегося хлебопашеством и извозом, и лет до 50 оставались крепостными. Помещица Бутеро-Радали, которой принадлежала эта волость, по словам современника, не отличалась гуманностью, и братья выполняли множество тяжелых повинностей. Тем не менее они, «обладая здравым умом, своим неутомимым денно-ночным трудом и строгохристианскою жизнью успели приобрести средства к тому, чтобы незадолго до Всемиловитвейшего дарования свободы крепостным, внести своей владелице значительный денежный выкуп за себя и за все семейство»¹.

Неизвестный нам автор некролога, из которого извлечена эта цитата, несомненно, православный, глубоко верующий человек. Это видно из всего текста, а также из того, что он был помещен в «Епархиальных ведомостях» и перепечатан в «Жизнеописаниях» подвижников. Между тем, как вы уже заметили, читатель, этот автор не считает строго христианскую жизнь братьев несовместимой с богатством и даже включает их благочестие в число условий коммерческих успехов. Братья были приписаны к пермскому купечеству и основали торговый дом, со временем открывший свои конторы в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Ташкенте, Сибири и в Закаспийской обл. По части христианской благотворительности они действовали с редким единодушием. «Это, можно сказать, была излюбленная и родная сфера их деятельности», – как отмечали пермяки. Начав с Мариинской женской гимназии, для которой выстроили обширный каменный корпус с церковью, они пожертвовали затем дома для ночлежного приюта и для «Убежища детей бедных». Особенно много сделали Каменские для храмового строительства Перми: на их средства был достроен и украшен Воскресенский храм, построена церковь в пересыльском замке, основан в 1873 г. общежительный Успенский женский монастырь с величественным храмом с четырьмя приделами. Недавние крепостные сделали щедрые пожертвования в Иерусалим, на Афон, в православную миссию в Японии. Новый Афон считал Григория Козьмича в числе своих ктиторов*.

В Перми братья пользовались искренним уважением всех сословий, так как было известно, что пожертвования они делают не ради тщеславия и наград, а в силу органичной потребности своей православной жизни. В Успенском храме монастыря они выстаивали долгие монастырские службы. В последние годы жизни Григорий Козьмич (брат уже умер к этому времени) посещал храм ежедневно, приходя туда задолго до начала службы, часто исповедовался и причащался. Молитва, чтение священных книг и святоотеческих писаний составляли его основные домашние занятия (дела в этот период вели уже дети). Наконец, он принял тайное пострижение².

Вот такое богатство вызывало неизменно положительную оценку у основной массы русских людей. Большое значение они придавали при этом источникам богатства, т.е. тем способом, какими оно было изначально накоплено. Человек, обнищавший из-за лени, не вызывал сочувствия; предпочтение отдавали тому, кто разбогател в результате трудолюбия. «Ленивая рука делает бедным, а рука прилежных обогащает» (Притч. 10, 4); «собирающий во время лета – сын разумный, спящий же во время жатвы – сын беспутный» (Притч. 10, 5); «...трудолюбивые приобретают богатство» (Притч. 11, 16); «богатство от суетности истощается, а собирающий трудами умножает его» (Притч. 13, 11) – эти изречения из «Притчей Соломона» – едва ли не самой популярной в народе книги Ветхого Завета.

* Ктитор – церковный староста.

Но при этом не забывали, что «доброе и худое, жизнь и смерть, бедность и богатство – от Господа» (Сир. 11, 14); «не удивляйся делам грешника, веруй Господу, и пребывай в труде твоём: ибо легко в очах Господа – скоро и внезапно обогатить бедного» (Сир. 11, 20). Человек не должен сам стремиться к богатству, заботиться о приобретении его: он трудолюбиво и разумно выполняет свое дело, а Господь, если должно, пошлет ему богатство, и тогда-то нужно, не надмеваясь ни в коем случае явившимся богатством, употреблять его на добрые дела.

Четко осознавалась угроза впадения в гордыню, даже и от благоприобретенного богатства. Эта мысль вошла в русские пословицы: «Богатство жмет, а бедность гнет», «богатство спеси сродни», «богатство пучит, а убожество плющит», «мужик богатый, что бык рогатый» и др.³ И второй грех, часто сопутствующий богатству, по народным представлениям, – скупость. И эта связь прочно вошла в пословицы: «Чем богатеет, тем скупее», «и богатенек, да скупенек», «не проси у богатого, проси у тороватого» и пр.⁴

Действительность давала, разумеется, основания для этих наблюдений. Тем не менее многочисленные крупные вклады в церкви и монастыри свидетельствуют о том, что и среди богатых бывало немало тороватых. Среди архивных фондов монастырей и церквей России (а они есть не только в центральных архивах Москвы и Санкт-Петербурга, но и во всех областных хранилищах и в иных районных филиалах архивов) едва ли найдутся такие, где не было бы свидетельств о значительных пожертвованиях от богатых людей. Но обратимся к источнику, более доступному и компактному, с которым вы и сами можете ознакомиться, читатель. Речь идет о справочнике «Православные русские обители. Полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей в Российской империи и на Афоне», изданном в 1910 г. и воспроизведенном в 1994 г. Книга содержит лишь краткую информацию о каждом монастыре, но даже среди этих скупко отобранных сведений немало фактов крупной благотворительности мирян в пользу обителей в XIX – начале XX в. Отметим некоторые из них.

В с. Терском (иначе Усть-Затонец) Козловского у. Тамбовской губ. в 1904 г. была учреждена женская православная община на земле, пожертвованной крестьянской девицей Татьяной Ермачковой. В Моршанском у. той же губернии вблизи уездного города крестьянин Прошин пожертвовал землю для устройства на ней Казанской женской общины, которая была утверждена в 1902 г.⁵

Примечательна в отношении благотворительности история возникновения Ладвинского Кирико-Иулиттинского монастыря в Петрозаводском у. Олонецкой губ. Ладва – большое торговое село в 56 верстах от Петрозаводска. Рядом с ним, на месте будущего монастыря, с XVII в. стояла часовня с иконой святых Кирика, Иулитты и князя Владимира, «весьма почитаемая окрестными жителями». К середине XIX в. часовня пришла в ветхость, и в 1855 г. здесь был устроен Дом для призрения стариц Ладвинской вол., а вскоре «нашлись щедрые благотворители» из ладвинских крестьян, соорудившие храм во имя мучеников Кирика и Иулитты «в память спасения ныне царствующего Императора Николая II от покушения на его жизнь во время его путешествия по Японии». При храме возникла община, преобразованная в 1903 г. в монастырь⁶.

На земле, пожертвованной крестьянином Силиным, возникла в конце XIX в. Свято-Троицкая община в Острожском у. Воронежской губ. (при хуторе Ново-Харинском на р. Тихой Сосне, в 12 верстах от уездного центра). Крестьянин Илья Безденежных не только предоставил возможность разместиться в его имении Александрийской женской общине (Котельнический у. Вятской губ., близ селения Арбажа), но и обеспечил материально ее существование, так что в 1901 г. там было около 50 сестер⁷.

150 десятин своей земли предоставили крестьяне д. Ново-Григорьевской Стерлитамакского у. Уфимской губ. Федот и Тимофей Кожаевы Алексеевскому монастырю, учрежденному в 1904 г. (община соседней д. Борисовки добавила 77 десятин). Иногда крестьяне объединялись для богоугодного дела с благотворителями из других сословий. Так, в Инсарском у. Пензенской губ. в 40 верстах от уездного города, где издавна

стояла часовня на месте явления образа святой мученицы Параскевы, женскую общину обеспечили благотворительница Киселева с несколькими крестьянами. В 1884 г. община получила права монастыря⁸.

Известно много фактов крупных пожертвований купцов в пользу монастырей. Иные обители, разоренные в результате секуляризации церковных земель в 1764 г., смогли возродиться только благодаря таким благотворителям. Например, Коряжемский Николаевский монастырь (в 15 верстах от г. Сольвычегодска) пришел в упадок после отнятия земель в казну и в 1863 г. был приписан к другому монастырю. А в 1896 г. кяхтинский купец Хаминов пожертвовал на восстановление монастыря огромную сумму с условием, что будет восстановлена самостоятельность последнего.

На капитал, пожертвованный местным купцом Стахеевым, был основан в 1856 г. Казанско-Богородицкий монастырь в г. Елабуге Вятской губ. Московский купец Никита Игнатьевич Сидоров основал в 1876 г. общежительный Казанский Головинский монастырь в 9 верстах от Москвы. И землю, и средства для Чудчаровского Троицкого монастыря в Саранском у. пожертвовала купчиха Трофимова. Некоторые обители содержались на средства купцов (например, куженерская Николаевская община в Уржумском у. – на пожертвования яранского купца Рощина) либо располагались в их имениях (Леушинский монастырь в Череповецком у. Новгородской губ. был основан в 1875 г. в имении петербургской купеческой жены Пелагеи Максимовой, а Владимирская женская община Ковровского у. – в имении муромской купеческой дочери Александры Тягуновой)⁹. Еще больше случаев крупных вкладов в пользу обителей со стороны титулованных и нетитулованных дворян и размещения монастырей и общин в имения помещиков¹⁰.

Подобные факты свидетельствуют о совместимости богатства с православными воззрениями и благочестивым образом жизни. Об этом же говорят и судьбы некоторых подвижников, которые до вступления в монашество были людьми весьма обеспеченными и в то же время благочестивыми. Так, оптинский старец иеросхимонах Иларион – в миру Родион Никитич Пономарев – купец, содержатель портняжной мастерской и магазинов готового платья, обуви и товаров из кожи. Занимаясь этими делами до 34 лет (до принятия его в 1839 г. в число братии Оптиной Пустыни), Родион Никитич был в то же время известен как человек активного благочестия – проповедник православия. Артель рабочих под его руководством стала своего рода домашней церковью.

Вот как он сам объяснял необходимость духовного пения во время работы (объясняя пришлось главе епархии владыке Иакову, так как на Пономарева был сделан ложный донос с обвинением в сектантстве): «Духовное пение я завел у себя для того, чтобы устроить нравственную порчу мальчиков от непристойных во время работ бесед между собою, сквернословия, смехотворства, песен, как это бывало в Москве, когда я жил в артелях. А теперь, сделавшись, по милости Божией, сам хозяином и помня, что вообще юность такой возраст, когда удобнее всегда или научиться благому, или совсем испортиться, я дал себе слово строго наблюдать за нравственностью своей артели и потому запрещал им празднословие и пение песен. Вместо того я обучил их церковному пению, и они у меня, сидя за работой, стройно, приятно и охотно поют разные духовные песнопения, безо всякого особенного с моей стороны к тому принуждения.

– Да вы бы их лучше молитвам учили, – сказал преосвященный.

– Трудно, владыка святой, чтобы мальчики довольствовались одною молитвою – соскучатся. Наше мастерство трудное, – петь в обычае, и работа идет успешнее, пением облегчается и как бы сокращается труд»¹¹.

Особенно известен был Родион Никитич своим усердием в обращении в официальное православие старообрядцев в Саратове, где были представлены в изобилии разные толки (будущий старец провел в Саратове девять лет самой активной деятельности до монашества, а родом он был из Воронежской губ.). Он, в частности, принимал горячее участие в диспутах со старообрядцами, которые устраивал у себя владыка¹².

Случалось даже, что старцы благословляли на торговлю некоторых мирян, которые стремились к монашеству. Однажды к преподобному Серафиму Саровскому пришел странник и, как только он получил благословение и не успел еще ничего рассказать о себе, старец начал говорить, чтобы пришедший оставил избранный им путь, «снял бы с себя вериги, обулся бы и возвратился в свой дом, потому что там жена, мать и дети очень тоскуют по нем; а дома занялся бы хлебною торговлею». «Мню, – говорил преподобный, – что весьма хорошо торговать-то хлебом; у меня же есть знакомый купец в Ельце: тебе стоит только придти к нему, поклониться и сказать, что тебя прислал к нему убогий Серафим, он тебя и примет в прикащики». Странник рассказал потом послушнику, что он мещанского сословия и всегда занимался хлебной торговлей, чем и содержал семью. Странствовать же отправился «без наставления и старческого благословения», оставив без средств существования семью¹³.

Мирская деятельность по благословиению старца привела к обогащению будущего иеросхимонаха Серафима Вырицкого – подвижника благочестия и духовника многих монашесствующих и мирян уже в советское время (скончался в 1949 г.). Василий Николаевич Муравьев (так звали старца в миру) родился в 1865 г. в с. Черемушки Рыбинского у. Ярославской губ. Родители его – крестьяне. В 10 лет он потерял отца и должен был содержать больную мать и маленькую сестру. Сосед, служивший приказчиком в Санкт-Петербурге, взял мальчика туда с собой и устроил на работу в купеческой лавке. Ярославцы славилась тогда как хорошие приказчики и составляли большинство служащих Гостиного двора. Благочестивый и трудолюбивый мальчик самостоятельно выучился грамоте и обнаружил прекрасные способности. У хозяина Василий был на хорошем счету, но у него зрело заветное желание – уйти в монастырь. Однажды ранним утром подросток пришел к воротам Александро-Невской лавры, надеясь поговорить с наместником. Здесь ему посоветовали обратиться к схимнику лавры (имя его нам неизвестно). «Василий стал перед старцем на колени, умоляя взять его в монастырь на любую работу. Ответ прозорливого старца был таков: оставаться в миру, создать благочестивую семью, воспитать детей и вместе с супругой посвятить оставшуюся жизнь монашескому подвигу»¹⁴.

Слова схимника были приняты как Божие благословение. Василий с еще большим усердием продолжал трудиться в купеческой лавке. В 16 лет был назначен младшим приказчиком, а в 17 – старшим, т.е. главным помощником хозяина. Жалованье отсылал матери в деревню. Исполнительность и способности его умножали доходы владельца лавки, и когда в 24 года Муравьев решил жениться, хозяин выделил ему значительную сумму для начала самостоятельного дела. Избранница молодого человека – Ольга Ивановна Найденова – тоже происходила из крестьянской семьи того же с. Черемушки, так что жених и невеста знали друг друга с детства. В их судьбе до брака было существенное сходство: Ольга в отрочестве упростила родственников взять ее на богомолье в Иверский женский монастырь, где схимонахиня Пелагия благословила ее жить в миру, выйти замуж за благочестивого мужчину и только после долгих лет семейной жизни, по обоюдному согласию, принять монашеский постриг»¹⁵.

После свадьбы, получив подаренную ему хозяином сумму, Василий Николаевич занялся заготовкой пушнины. Дело его ширилось, отделения конторы появились в Англии, Германии, Франции и других европейских странах. Муравьев стал миллионером. Большую часть своих доходов он отдавал монастырям, храмам, богадельням, помогал нуждающимся людям. Образ жизни вел аскетический. Во время одной из поездок за границу по коммерческим делам побывал на Афоне.

В 30 лет произошел поворот в его жизни к более полной отдаче себя служению Богу и ближним. Василий Николаевич раздал теперь большую часть не только доходов, но и самого своего состояния (вклады в Александро-Невскую лавру, Воскресенский Ново-Девичий монастырь, значительные суммы своим служащим). А в 33 года получил благословение на подвиг старчества. Дата его пострига неизвестна¹⁶. К отцу Серафиму Вырицкому уже до революции «приходило множество посетителей за ду-

ховным советом, с различными житейскими проблемами, с просьбой о помощи в болезнях». В 1927 г. старец становится духовником Александро-Невской лавры и принимает там схиму. Начиная с 1929 г. его арестовывали многократно, но вскоре после арестов он оказывался на свободе. С 1933 г. схимонах поселился в Вырице, где принимал многих нуждающихся в молитвенной помощи, исцелении, утешении. Известно множество случаев его прозорливости. Он повторил подвиг своего покровителя – Серафима Саровского, простояв 1000 ночей в саду на камне с молитвой ради спасения России во время Великой Отечественной войны¹⁷.

Чтобы узнать больше об этом удивительном старце недавнего времени, можно обратиться к цитируемой выше книге. В связи с судьбой иеросхимонаха Серафима Вырицкого возникает естественный вопрос: как могут сочетать такие люди активное занятие предпринимательством с православным благочестием чуть ли не монашеского уровня? Ведь в Евангелии сказано: «Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне» (Мф. 6, 24). И еще: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют, и где воры подкапывают и крадут; но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляет, и где воры не подкапывают и не крадут. Ибо где сокровища ваши, там будет и сердце ваше» (Мф. 6, 19–21).

У этих людей господин был один – Бог. Они не обожествляли богатство. Не искали его, не превращали его в самоцель, не приносили ему в жертву свои нравственные принципы. Они не видели в богатстве свое сокровище и соответственно этому распорядились им; их сокровище было там, где «ржа не истребляет», – его они усердно собирали. Они стремились в своей жизни познать и исполнить волю Божию о себе. Это о них сказано: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам». И прилагалось. Приходило ли богатство, уходило ли – не это было для них главным. «Умею жить и в скудости, умею жить и в изобилии; научился всему и во всем, насыщаться и терпеть голод, быть и в обилии и в недостатке. Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе» (Флп. 4, 12).

Народ в массе своей хорошо различал богатых, живущих по-Божьи, и эгоистичное богатство, ставшее самоцелью, относясь к первым благожелательно, а ко вторым – с неприязнью и даже враждебно. Важно не то, богат ты или беден, а благочестив ли. Нечестивец может быть и бедным. Интересны в этом отношении поступки и суждения блаженных, которые, будучи выразителями народного благочестия, пользовались в то же время особым положением, позволяющим им открыто выражать свое отношение. Например, ныне прославленная блаженная Ксения Петербургская (скончалась ок. 1803 г.) брала не у всякого, предлагавшего ей помощь. Между тем, как только она появлялась на рынке, «кушцы открывали свои лотки и прилавки со всевозможными съестными и прочими товарами. Все наперебой упрашивали "Андрея Федоровича" (так блаженная сама называла себя. – М.Г.) взять что-либо или отведать от предлагаемого товара, ибо они замечали, что если Ксения брала что-нибудь у хозяина, то торговля у угостившего ее купца будет очень удачной»¹⁸.

То же самое мы видим в «Житии блаженной Любви Рязанской» (скончалась в 1921 г.). Купцы радовались, когда она брала что-то у них в лавке, «ведь это было верной приметой, что в этот день торговля будет особенно удачной». А в ответ на зазывание других она делала вид, что ничего не слышит и проходила мимо. «Однажды к крылечку домика, где жила Любушка, подкатила карета, запряженная тройкой породистых лошадей в богатой упряжи... Но Любушка... спряталась и выслала сестру сказать, что ее нет дома»¹⁹. Юродивый странник Иван Григорьевич Босый (скончался в 1855 г.) говаривал: «Кто имеет золото как раба, у того не будет душенька ряба. Кому же золото господин – пропадет тот без Бога один»²⁰.

Итак, богатство как таковое, само по себе, не противоречило православным убеждениям русских. Но нам нужно развеять сомнения сегодняшних дней другого рода, связанное с традиционными представлениями народа. Не служил ли препятствием для

предприимчивых людей общинный строй жизни? Ответ на этот вопрос можно дать, лишь обратившись к конкретным фактам социально-экономической действительности.

В крестьянской среде действовало множество одаренных и предприимчивых людей, хозяйственная деятельность которых выходила за пределы среднего уровня. Известно, что из крестьян вышло много крупных предпринимателей, проявивших себя в разных областях экономики. Но помимо особенно выдающихся и прославленных лиц, существовала масса инициативных хозяев, остававшихся крестьянами.

В 1811 г. министр финансов Д.А. Гурьев писал о широком размахе крестьянской предприимчивости: «Они занимаются всякого рода торгами во всем государстве, вступают под именем и по кредиту купцов или по доверенности дворян в частные и казенные подряды, поставки и откупа, содержат заводы и фабрики, трактиры, постоялые дворы и торговые бани, имеют речные суда и производят рукоделия и ремесла наемными людьми»²¹. В докладе министра речь шла о том, чтобы легализовать эту деятельность.

В 1812 г. крестьянам было официально разрешено вести самостоятельно крупную и мелкую торговлю различными товарами. Теперь они могли не прибегать к прикрытию своей деятельности именем помещика или купца. В результате уже через 10 лет «торгующие крестьяне, по великому количеству своему, овладели совершенно многими частями городских промыслов и торговли, коими прежде занимались купечество и посадские». Так утверждали современники²².

В имении, например, князя Юсупова в Грайворонском у. Курской губ. в 1830-е годы были крепостные, арендовавшие 65, 90, 100, 189, 200 и даже 465,5 десятин помещичьей земли. Часть этой земли они обрабатывали сами, а часть сдавали мелкими участками в субаренду другим крестьянам. К Марковскому хутору, входившему в имение князя Юсупова, относилось свыше 200 десятин земли. Более половины ее, по данным 1836 г., арендовал богатый крестьянин Ткаченко. Большую часть ее он сдавал мелкими участками крестьянам этого же имения, а также соседнего имения графа Шереметева²³.

В промышленных губерниях торговое сельское хозяйство оброчных крестьян нередко уже в первой половине XIX в. опережало по уровню помещичье. В 1840-х годах в Ярославском, Угличском и Ростовском уездах Ярославской губ. и в западных уездах Костромской губ. более 20 тыс. крестьянских хозяйств производили лен специально на продажу. При этом улучшалась агротехника и использовались различные сорта льна. В этих краях действовали торговцы, специализировавшиеся на продаже семян и псковского сорта льна, который выращивался на рынок (местные сорта по-прежнему использовались для собственного потребления).

В Ростовском и отчасти Даниловском уездах развивалось крестьянское товарное земледелие, специализировавшееся на производстве картофеля. Паточные и крахмальные предприятия по переработке картофеля находились там преимущественно в руках крестьян²⁴.

Быстро росло и товарное огородничество. Ростовские огородники были известны далеко за пределами губернии. Их приглашали для налаживания огородного хозяйства в Польшу и Крым. Крестьяне Ярославской губ. разводили на продажу и улучшенную породу овец – романовскую, требовавшую особенно тщательного ухода.

Крестьянское товарное огородничество процветало под Москвой и вблизи Петербурга. Специализация была так велика, что в некоторых селениях государственных крестьян Подмосковья все поля занимали только овощные культуры. Применялись плодоперемешная система и усиленное навозное удобрение. В товарном овощеводстве действовали крестьяне-скупщики. Так, крепостной графа Панина крестьянин Устимов скупал зеленый горошек и отправлял его в Москву и Петербург. Его оборот составил около 10 тыс. пудов горошка.

Крестьяне-предприниматели были не только в промышленных губерниях и в окрестностях столиц. В 84 помещичьих имениях Смоленской губ. еще до реформы 1861 г. в руках крепостных крестьян было 27 635 десятин купчей (т.е. купленной в соб-

ственность) земли. В вотчине И.Д. Орлова в Гжатском у. купчую землю имели более половины дворохозяев²⁵. Богатые крестьяне Смоленщины обладали мельницами, крупорушками, маслобойными и другими мелкими предприятиями, а иногда арендовали их. Большинство мельниц губернии находилось во владении или арендном содержании у крестьян²⁶.

Некоторые крестьяне в Сычевском, Бельском, Пореченском и Гжатском уездах приобретали значительные лесные массивы. Один крепостной крестьянин из д. Чернейки Сычевского у. в январе-марте 1810 г. зарегистрировал в земском суде контракты на поставку купцам 42 барок лесных материалов общей стоимостью в 17 450 руб. В следующем году он же поставил 86 барок лесных материалов на 35 980 руб. Крестьянин Карп Сапленков (Бехтеевская вол. Сычевского у.) с 1872 г. арендовал около 1400 десятин у Московского лесопромышленного товарищества. Когда кончился срок аренды, он купил этот лес за 24 тыс. руб. Сапленковы имели обширные сенокосы и до 150 коров. К середине XIX в. получила заметное развитие товарная специализация зажиточных хозяйств смоленских крестьян на технических культурах: конопле, льне и картофеле²⁷.

Предприимчивые крестьяне проявляли интерес к усовершенствованным типам сельскохозяйственных орудий. Так, в Вятской губ. в 1840–1850-х годах уже применялись кочкорез и особые приспособления для корчевания пней, специальные плужки для окучивания картофеля, вводились четырехполосные молотилки вместо объемных круглых. С 1845 г. в Глазове, Слободском, Котелниче, Малмыже, Орлове и Сарапуле открывались особые склады для продажи сельскохозяйственных орудий крестьянам. Агенты этих складов продавали сельскохозяйственный инвентарь и на крупных ярмарках губернии. На сельскохозяйственной выставке в Вятке в 1854 г. получили награды четверо государственных крестьян: Кривошеин – за модель турбинной мельницы, Хитрин – за сконструированную им сенокосилку, Медведев и Шишкин – за иные механизмы («американский плужок» и пропашник).

Вятский крестьянин Максимов несколько раз экспонировал на выставках выращенные им рожь, ячмень, овес и получал награды. Максимов хозяйничал на 60 десятинах, где кроме пашни и покосов был большой фруктовый сад. Товарное садоводство в 1840–1850-е годы играло заметную роль в хозяйстве южных уездов Вятской губ. Крестьянин Яранского у. Д. Сахарников в 1860-е годы выступал в «Вятских губернских ведомостях» со статьями о нововведениях в земледелии, ссылаясь на пример собственного хозяйства²⁸.

В Ставрополе и на Кубани активно развивалось крестьянское предпринимательство на хуторах. Некоторые крестьяне становились там крупными собственниками земли. Крестьянин Дедешкин из с. Медвежинского Ставропольского у. в 1848 г. купил 505 десятин земли. Крестьянин Севастьянов приобрел 1014 десятин, крестьяне Бедриковы во второй половине XIX в. владели многочисленными гуртами крупного рогатого скота, табунами лошадей и огромными отарами овец. За 15 лет – с 1897 по 1911 г. – крестьяне Кубанской обл. купили 162 588 десятин частновладельческой земли²⁹.

В Алтайском округе у крестьянина Минаина в 1880-е годы было 800 лошадей, более 1000 овец и 1000 голов крупного рогатого скота. Займка этого крестьянина превратилась в крупную усадьбу. Разумеется, Минин – исключение. Но предприимчивых богатых крестьян на Алтае было немало. В Томской губ. в материалах обследования 1880–1890-х годов упоминаются крестьянские хозяйства, имевшие до 75 лошадей, 80 голов крупного и 177 мелкого рогатого скота. Крестьяне с. Молчановка этой губернии Сысоевы и Лазаревы пользовались 7 тыс. десятин земли. Крупнейшие хозяйства имели в Томской губ. крестьяне Сорокины (на р. Карасук), крестьяне села Гилевского А.К. Акулов и П.Ф. Батищев. В Енисейской губ. в Канском у. крестьяне Блиновы вели хозяйство на 3 тысячах десятин земли³⁰.

Крестьянин с. Юргинского Тобольской губ. Прокопий Кузнецов арендовал 591 десятину земли и завел конный завод. В этой губернии с начала XX в. было 118 крупных собственников из крестьян, имевших по 100 и более десятин земли. Многие богатые

крестьяне в Сибири занимались одновременно и земледелием, и скотоводством, и торговлей, заводили мельницы, маслозаводы, лавки и другие доходные предприятия. В начале XX в. томский крестьянин М.В. Чевелев имел под пашней 150 десятин. Кроме того, он арендовал землю у лесничества, а также разводил племенной скот. В хозяйстве этого крестьянина использовались сельскохозяйственные машины: культиваторы, рядовые сеялки и др. Чевелев завел мельницу с плотиной, кирпичный и маслобойный заводы³¹.

Крестьянам нередко принадлежали свечные, кожевенные, салотопные предприятия. В Иркутской губ. переселенцы Михаленковы и Никитин построили паровую мельницу, купив локомобиль за 6,5 тыс. руб. Паровую мельницу построили и переселенцы Степанчуки в Зимской вол. Иркутской губ. Там же крестьянин А. Фомин построил кирпичный завод, а Куркин – маслобойный³².

Попробуем более конкретно представить себе деятельность некоторых предпринимчивых хозяев, опираясь на исследование известного современного русского историка В.Г. Тюкавкина.

Богатый крестьянин Тихон Непомнящих из д. Кашевской Ялуторовского у. Тобольской губ. обходился без найма батраков, так как в составе его семьи было девять работников. Семья хозяйничала на 56 десятинах земли. Из них 23,5 десятины находились под пашней, остальные – под сенокосом и пастбищем. Тихон имел обширный набор сельскохозяйственных машин: косилку Диринга, жатку Вальтер-Вуда, двухкорпусные плуги, молотилку, веялку, сеялку, конные грабли, соломорезку. Была и своя мельница. Хозяйство было хорошо обеспечено лошадьми (10 голов) и крупным рогатым скотом (10 дойных коров). Это позволяло широко применять удобрение.

Непомнящих построил теплый скотный двор. В рационе скота включались корнеплоды; практиковалась закладка силоса. В хлебопашестве этот хозяин также проводил улучшения (травосеяние, зяблевая вспашка и др.). Средние урожаи за 20 лет у Тихона были выше, чем у других крестьян. Хозяйство давало устойчивый доход.

Когда в 1913 г. в честь 300-летия дома Романовых был проведен конкурс образцовых крестьянских хозяйств, Тихон Непомнящих оказался в числе 306 премированных лиц. Всего же губернскими комиссиями тогда были представлены к наградам 1382 хозяйства. По условиям конкурса в нем могли участвовать лишь мелкие хозяйства, «главный доход коих составляет вознаграждение за труд владельца и членов его семьи». Однако по мнению В.Г. Тюкавкина, исследовавшего описание премированных дворов, в их число все-таки попали крупные предпринимательские хозяйства, нанимавшие батраков или поденщиков.

Так, в Иркутской губ. первую премию получил крестьянин И.И. Лыткин из Нижнеудинского у., в хозяйстве которого использовались наемные работники (в самой семье на 10 ее членов было всего четверо работающих: двое мужчин и две женщины). Хозяйство Лыткина было еще мощнее, чем у Непомнящих. Поистине удивителен перечень сложных сельскохозяйственных машин: сноповязалка, жатка, четырехконная молотилка, сенокосилка Мак-Кормика, семирядная сеялка Эльворчи, сортировка, веялка, сепараторы, маслобойки и др.

Хозяйство Лыткина имело 19 лошадей (из них 15 рабочих), 200 голов крупного рогатого скота, много мелкого скота и птицы. Помимо обычных для этого района приемов земледелия Лыткин использовал травосеяние (сеял клевер и тимофеевку) и занимался улучшением посевного материала – за счет очистки и выписки семян лучших сортов. Доходное хозяйство Лыткина поставляло хлеб на винокуренный завод и на рынок в селе Тулуне³³.

Так действовали крестьяне, одаренные талантом не только в области агротехники, но и в организации труда, товарной ориентации хозяйства. Названные лица, как и безымянные предпринимчивые крестьяне, о которых шла речь выше, были членами общин своих селений и подчинялись решениям сходов.

Не менее ценен социальный опыт крестьянской кооперации. Кооперативное движение, по мнению некоторых историков, зародилось в России в конце XIX в. и в ко-

роткий срок сделало очень большие успехи. На самом деле объединения для совместного владения на паях земель, рабочим скотом, овинами, мельницами, пасаками или для организации некоторых видов промыслов существовали у русских крестьян издавна. Многочисленные факты такого рода известны по источникам XVII, XVIII и XIX вв. В некоторых местностях эти объединения назывались *складничеством*, *супрягами*, позднее – *артелью* (на паях существовали не все, а только некоторые виды артелей).

Термин *кооперация* применительно к подобным явлениям действительно получает распространение лишь в конце XIX в. Но эта крестьянская кооперация потому и распространялась так успешно, что опиралась на традиционные, проверенные народным опытом формы, органичные русскому национальному сознанию. А.В. Чаынов – теоретик «старой крестьянской кооперации» – очень высоко оценил ее значение для развития сельского хозяйства России. В 1918 г. он подчеркивал в докладной записке, что кооперация опиралась на семейное производство крестьян. Она позволяла создавать в земледелии крупные производства, не нарушая при этом самостоятельности семейного крестьянского хозяйства. По ориентировочным подсчетам, накануне первой мировой войны 82,5% деревенского населения России участвовало в тех или иных формах кооперации³⁴.

В черноземно-степной полосе Поволжья многие крестьяне в 1880-е годы артельно арендовали землю. Ее разбивали на пай таким образом, что наименьший участок, служивший единицей расчета, был доступен и для бедняков. Арендная плата могла производиться трудом, определенным количеством хлеба (долей снятого урожая) или деньгами³⁵.

В Усть-Каменогорском у. в те же годы отмечены семейные артели: выделившиеся сыновья, имевшие отдельные усадьбы и приусадебные земли, для пользования пахотной землей, которую предоставляли им общины, часто создавали объединения. В них могли войти и зятья. Там же бытовали складничества по использованию лошадей. Имевшие равное число лошадей участвовали в такой кооперации на равных правах. Бедняк, владеец одной-двух лошадей, тоже мог войти в это товарищество, но за отработки. Местную почтовую станцию содержала именно артель. На артелях начинала осуществлялась обывательская и земская гоньба (перевозки). Очень органичен и прост был переход от товариществ по использованию волов или лошадей к кооперации, основанной на совместной эксплуатации сельскохозяйственных машин. В Усть-Каменогорском у. широко были распространены и артели пасечников. Товарищества на паях строили арыки – подводили воду к садам и огородам. На Севере, в Обонежье, в 1880–1890-е годы были описаны товарищества для рубки леса и обработки лесных участков под пахоту (подсеки), а также для устройства мельниц и риг³⁶.

В Тамбовской губ. (Шацкий у.) в начале 1880-х годов действовали крестьянские артели по обработке овчин. Это был край развитого овцеводства, сочетавшегося с основным земледельческим хозяйством. Артели овчинников состояли обычно из 3–5 чел. Глава – артельщик (атаман) – был и главным мастером, т.е. руководил технической стороной производства, и организатором всего хозяйства артели; он же вел всю приходно-расходную бухгалтерию. Товарищества овчинников были здесь разных типов. В одних артельщик покупал сырье на свои средства, в других овчины закупало товарищество на паях, в третьих артель работала на заказчика. Иногда одна и та же артель меняла формы деятельности. Члены артели по окончании работ получали разные доли дохода в зависимости от опыта в овчинном деле или от вклада в первоначальные расходы.

Такие артели часто уходили на работу в другие губернии, где существовал спрос на овчинников. Интересны их взаимоотношения с общинами в чужих местах. По прибытию в ту или иную деревню иногда заключалось соглашение с общиной в целом: пришлая артель брала подряд на выделку овчин для всех домохозяев, оговаривалась цена. В других случаях выполнялись индивидуальные заказы.

В Кирсановском у. Тамбовской губ. накопился ценный опыт товариществ, исполь-

зовавших тяжелые плуги, к которым требовалась упряжка из нескольких лошадей. Товарищества плугарей приобретали эти орудия и обрабатывали ими за плату даже поля в помещичьих имениях. Для работ шестиконными плугами на своих землях обычно объединялись в товарищества два-три домохозяина³⁷.

В основе всех форм предприимчивости лежало отдельное, индивидуальное крестьянское хозяйство, обладавшее большой самостоятельностью. Вместе с тем эта самостоятельность не означала безмерного своеволия в ущерб соседям или общему состоянию природной среды. Тут-то и вступал в силу контроль общины, которая не позволяла погубить реку, иссушить луг или загрязнить техническими отбросами лес. Исторический опыт русской деревни отчетливо показывает, что при развитии индивидуального хозяйства, наделенного обширными правами и обладающего социальной инициативой, бывают полезны и достаточно самостоятельные территориальные общины, в которые входят эти хозяйства, оказываются необходимы четкие формы местного самоуправления и контроля. Низовая демократия – самая надежная из всех форм демократии, так как она опирается на наиболее полное знание людей и конкретной обстановки.

От человека, совершавшего деловые операции, ожидали честности, надежности в выполнении своих обязательств. Эти свойства вообще входили в понятие русских крестьян о чести. «Все крестьяне, оберегая свою честь, стараются трудиться, чтобы не прослыть лентяем и *мотыгой* (здесь – мот, расточитель. – М.Г.), а также не остаться должником соседей. Каждый старается не быть лжецом и обидчиком, а также не нажить славы, что он не крестьянин, а прощельга и самознайка»³⁸.

«Всякий порядочный крестьянин старается держать данное им слово: нарушить его он считает нечестным, – писал А.В. Балов, отвечавший на программы по изучению народной жизни на основании собственных длительных наблюдений в Ярославской губ. – Всякий крестьянин, оберегающий свою честь, старается не быть никогда не только замешанным в какое-либо преступление, но даже и заподозренным в нем. Он никогда не согласится ни на плутни, ни на обман, хотя бы это и было допущено в торговле».

А.В. Балову вторил С.Я. Дерунов, собиравший материал в Пошехонском у. той же губернии. Крестьяне считали, по его наблюдению, что, не уплатив долга на земле, не будешь развязан с земной жизнью на том свете. Поэтому, если должник долго не платил, то давший ему ссуду грозил стереть запись о долге (соседский долг записывали обычно мелом), т.е. лишить его возможности рассчитаться. Иногда долг записывали зарубками на палках или бирках, тогда пускалась в ход угроза сжечь их. Должник кланялся и просил не стирать или не сжигать свидетельства о долге. Но Дерунов отмечал и ослабление твердости понятия «держать слово» «в последнее время», т.е. в 90-е годы XIX в., объясняя ухудшение нравственности влиянием города и идущим оттуда стремлением к богатству.

«Данное слово местные крестьяне стараются исполнять, потому что, по общему воззрению, неисполняющие своего слова сами же от этого и страдают, так как им никто ни в чем не доверяет: если работник не исполнит условие найма или должник не отдает в срок долг, то это быстро разносится по всей окрестности, такой крестьянин отовсюду слышит одно: "Ты хоть крестись и божись, все едино тебе никто не поверит, потому как ты брехун и надуешь... вон Кузьму-то обманул"». Так писали об отношении к данному слову из Ростовского у., подчеркивая действие общественного мнения.

В ходу было множество пословиц о твердом слове: «мое слово золото»; «не давши слова крепись, а давши держись», «уговор дороже денег», «слово крепче камня» и пр.

Умение держать слово особенно проявлялось в сделках, которые крестьяне заключали между собой без письменных документов. Неслучайно о договоре, заключенном на словах, говорили, что он заключен «на совесть». По договору – «ряду» – нужно было делать все беспрекословно. «Не исполнять данного слова, обещания крестьянами считается и за грех, и за стыд»³⁹.

Честность крестьян в выполнении устной договоренности, в неприкосновенности чужой собственности была настолько очевидным явлением, что купцы доверяли им на слово крупные партии товара. Так, в 1859 г. в описании нравов Шадринского у. говорится: «Верность данному слову и известная честность крестьян приобрела им такую доверенность у купцов, что без всякого письменного обязательства, без всякого прежнего личного знакомства (курсив мой. – М.Г.) доверяется одному или двум расторопным крестьянам с товарищами до тысячи и более пуд сала, масла, хлеба, говядины для поставки в Екатеринбург, при том с выдачею вперед почти всех денег, следующих за провоз»⁴⁰.

Ф.Р. Рылский, писавший в 1903 г. о народном мировоззрении по материалам Южной России и Украины, отмечал: «Нескончаемое число договорных сделок, заключаемых крестьянами между собою и с людьми инословными, делается в огромном числе без скрепления какими-либо формальными актами»⁴¹. По Московской губ. описан переход частей купчей земли общины (т.е. купленной общины и разделенной на доли по дворам) из рук в руки без всяких документов или по простым распискам⁴². Широко была распространена аренда земли на словесно сформулированных условиях⁴³.

Все это говорит о стремлении сохранить нравственный подход в деловых отношениях, не заменять его голым расчетом или юридическими формальностями.

Интересен в этом отношении взгляд на проценты и сохранение местами практики беспроцентных ссуд. Этот вопрос был обстоятельно рассмотрен в 80-е годы XIX в. по материалам Воронежской губ. известным статистиком и специалистом по общине Ф. Щербиной. Он пришел к выводу, что общий взгляд на проценты как на дело греховное остается у крестьян господствующим. В Острогжском у., например, встречались в это время «кредитные денежные сделки в форме ссуды без всяких процентов». Беспроцентные ссуды чаще всего практиковались между родственниками. В громадном большинстве обследованных селений крестьяне утверждали, что у родственников денежные займы производятся только без процента. Эти же принципы распространялись и на мелкие кредитные сделки между соседями и жителями своей деревни.

Чем меньше было селение и чем в большей глуши оно находилось, тем более распространены были в нем беспроцентные ссуды. В крупных же торговых селениях практиковался кредит под проценты, при этом нередко с обеспечением долга частью или всем имуществом заемщика. Однако и в этих случаях условия займа иногда формулировались лишь устно. Практиковались и расписки, составленные при свидетелях и заверенные в волостных правлениях. Векселя писали «только на значительные суммы и преимущественно между торговцами и людьми, несколько искусившимися в области коммерческих сделок и кулаческой наживы». Ростовщичество как источник богатства осуждалось⁴⁴.

Сходная картина вырисовывается по сведениям из Новгородской губ. (Белозерский у.), представленным в Тенишевское бюро П.Г. Вересовым из с. Антушева. Корреспондент основывался на своих наблюдениях в Антушевской и Перкумской волостях. Он утверждал, что, если займ делается на необходимые хозяйственные потребности, то крестьяне дают деньги друг другу в долг на срок и без срока – всегда без процентов. Если же занимали для предприятия (промышленного или торгового) и большую сумму, то в этом случае брали проценты и оформляли распиской. Это различие явно свидетельствует о подходе к сделке с нравственных позиций. Иногда и крупные суммы «верили на слово». Словесные обязательства по займам учитывались и крестьянским судом, с привлечением свидетельских показаний.

Мелкие ссуды хлебом – печеным, мукой (в небольших количествах), зерном для посева – принято было давать не только без процентов, но и без срока, «с условием уплатить при первой возможности». К хлебу, в самых насущных его размерах, – отношение особое. Деньги же ссужали чаще на определенный срок. Торговцы отпускали беднякам ссуды под залог имущества: овчин, холста и пр. Практиковалась и отдача долга работой⁴⁵.

Таким образом, хотя взгляд на получение процентов, как на дело греховное,

оставался в народе господствующим, фактически развивается практика ссуд под проценты, в том числе высокие. Ограничителем для развития этой практики внутри сельских обществ служит не община как таковая, а нравственные представления крестьян о характере родственных и соседских взаимоотношений.

Подведем итог сказанному.

Богатство как таковое, само по себе, не противоречило православным убеждениям русских. Но оно не должно было быть самоцелью. Считалось, что нужно трудолюбиво и разумно выполнять свое дело, а Господь, если такова воля его, пошлет богатство. Случалось даже, что старцы благословляли на торговлю некоторых мирян, стремившихся к монашеству. От разбогатевшего ожидалось особое усердие в благочестии. Многочисленные факты свидетельствуют о крупных пожертвованиях крестьян на приходские церкви, православные общины и монастыри. Для положительной оценки общественного мнения важен был образ жизни самого дарителя. Социальный опыт России XIX – начала XX в. показывает, что сельская община уживалась с предпринимательством. Нравственные традиции крестьян включали честность в деловых отношениях, надежность в выполнении обязательств. Ограничителем для развития практики ссуд под проценты внутри общины служили также нравственные представления.

Примечания

¹ Григорий Козьмич Каменский. Некролог // Пермские епархиальные ведомости. 1893. № 5. Этот некролог воспроизводится полностью в: Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Ноябрь. Репринтное издание Введенской Оптиной пустыни. 1994. С. 707.

² Жизнеописания отечественных... Ноябрь. С. 707–712.

³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М., 1956. С. 102.

⁴ Там же.

⁵ Православные русские обители. Полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей в Российской империи и на Афоне. СПб., 1910. С. 425.

⁶ Там же. С. 160.

⁷ Там же. С. 488–489; 118.

⁸ Там же. С. 457; 389–390.

⁹ Там же. С. 83, 118, 345, 393, 119, 149, 224.

¹⁰ Там же. С. 146, 253, 301, 345, 346, 362–363, 380, 382, 387, 391, 393, 406, 408, 411, 418, 424, 426–427, 429, 476, 487, 494.

¹¹ Житие преподобного иеросхимонаха Илариона Оптинского. Оптина пустынь, 1993 (репр. воспроизв. изд. «Жизнеописание старца Оптиной пустыни иеросхимонаха Илариона. Составлено одним из учеников его». Калуга, 1897). С. 7–120.

¹² Там же. С. 110–112.

¹³ Архим. Серафим (Чичагов). Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря. СПб., 1903. С. 384.

¹⁴ Старец иеросхимонах Серафим Вырицкий (Василий Николаевич Муравьев). 1865–1949. М., 1996. С. 3–8.

¹⁵ Там же. С. 8–9.

¹⁶ Супруга старца Ольга Николаевна Муравьева приняла монашество с именем Христины в 1919 г. // Там же. С. 25.

¹⁷ Там же. С. 9–35.

¹⁸ Житие блаженной Ксении Петербургской. СПб., 1991. С. 3–4.

¹⁹ Схимонахиня Серафима (Масалитинова). Житие блаженной Любви Рязанской. Рязань, 1995. С. 7–8.

²⁰ Жизнеописания отечественных... Август. 1994. С. 580.

²¹ Цит. по: Рыдзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. С. 76.

²² Там же. С. 88.

²³ Рожкова М.К. Сельское хозяйство и положение крестьянства // Очерки экономической истории России первой половины XIX в. М., 1959. С. 42.

²⁴ Там же. С. 43–44.

²⁵ Рожкова М.К. Указ. раб. С. 44–45.

²⁶ Будав Д.И., Рябков Г.Т. К вопросу о формировании сельской буржуазии в XIX – начале XX в. (По материалам Смоленской губернии) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1971 г. Вильнюс, 1974. С. 281–282.

- ²⁷ Там же. С. 282–287.
- ²⁸ *Плющевский Б.Г.* Социальное и хозяйственное развитие вятской деревни в 40-х – 50-х годах XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1961 г. Рига. 1963. С. 394–395.
- ²⁹ *Чекменев С.А.* Развитие хуторского хозяйства на Кубани и Ставрополье в конце XVIII – первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1966 г. Таллинн, 1971. С. 308; *Ратушняк В.Н.* Земельный фонд Кубанской области и его распределение в период капитализма // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1971 г. С. 209.
- ³⁰ *Тюкавкин В.Г.* Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966. С. 234–235, 240.
- ³¹ Там же. С. 238–239, 243, 247.
- ³² Там же. С. 241.
- ³³ *Тюкавкин В.Г.* Указ. раб. С. 252–254.
- ³⁴ Там же. С. 381–383; *Кибанов В.В.* Кооперация как канал взаимодействия различных социально-экономических укладов // Вопросы истории капиталистической России. Свердловск, 1972. С. 100–108.
- ³⁵ *Бирюкович В.* Крестьянское хозяйство в черноземно-степной полосе (губернии Поволжья) // Северный вестник. 1886. № 4. С. 88–107.
- ³⁶ *Макаренко А.* Ульяновская община. Общинное землевладение в поселке Ульяновском Усть-Каменогорского уезда Семипалатинской области // Восточное обозрение. 1887. № 42; *Куликовский Г.И.* Артельные и мирские запашки, сенокосы и здания в Обонежье // Русская мысль. 1890. № 5.
- ³⁷ Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Т. VI: *Романов Н.* Шацкий уезд. Тамбов, 1884. С. 154–171; Т. X: *Романов Н.* Кирсановский уезд. Тамбов, 1886. С. 154–156.
- ³⁸ Российский этнографический музей (далее – РЭМ). Ф. 7. Оп. 1. Д. 1791. Л. 12. Пошехонский уезд.
- ³⁹ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1783. Л. 10–11; Д. 1791. Л. 12 об. – 13; Д. 1810. Л. 28–29; Д. 1814. Л. 3.
- ⁴⁰ *Успенский Т.* Очерки юго-западной половины Шадринского уезда // Пермский сб. Кн. 1. М., 1859. С. 16.
- ⁴¹ *Рыльский Ф.Р.* К изучению украинского народного мировоззрения (экономические отношения) // Киевская старина. 1903. Кн. 5.
- ⁴² Сборник статистических сведений по Московской губернии. Т. IV. Вып. 1: *Орлов В.* Формы крестьянского землевладения. М., 1879. С. 310–319.
- ⁴³ *Воропонов Ф.Ф.* Забытые пахари // Вестник Европы. 1884. № 3.
- ⁴⁴ Сборник статистических сведений по Воронежской губернии. Т. II. Вып. 2: *Щербина Ф.* Крестьянское хозяйство по Острогожскому уезду. Воронеж, 1887. С. 319–330.
- ⁴⁵ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 676. Л. 1–2.

M.M. G r o m y k o. 19th Century Russian Peasants' Attitude to the Wealth and Enterprise in the light of religious and moral notions and social practice

The article provides convincing evidence that the wealth as such did not stand in contradiction to the Orthodox Christian church convictions of the Russians. Many wealthy people were quite pious, and engaged in philanthropy making large money donations to the construction of churches, monasteries and the like.

The social experience of Russia of the 19th – early 20th century shows that her village community did not oppose enterprise. The moral traditions of the peasants included honesty in business relations and reliability in discharging responsibilities.